

Что такое «постиндустриальное общество»?

В России радители «гражданского государства» постоянно талдычат о том, что они хотели бы построить в стране «постиндустриальное общество». Что это за общество, обычно не расшифровывается, но в качестве примера нередко приводят страны «золотого миллиарда». Любопытно, что в самих этих странах крайне редко употребляется данное словосочетание, а если и произносится, то обычно в каком-нибудь критическом контексте. Например, один из американских международников, Стэнли Хофман, как-то писал: когда не знаешь, как назвать какое-то явление, используешь слово «пост», т.е. «после чего-то», например, «мир после холодной войны» (post-Cold War World), постлиберализм, или «постиндустриальное общество».

Для российских идеологов это словосочетание является находкой, поскольку позволяет избегать слова «капитализм» и связанные с ним негативные ассоциации. На самом деле все страны «золотого миллиарда» по своей сути являются капиталистическими государствами, а по форме действительно «постиндустриальными». Последнее означает изменение структуры экономики: резкое сокращение промышленного производства и сельского хозяйства в пользу так называемого «третичного» сектора, т.е. сферы услуг, куда входят образование, наука, торговля, конторская служба, деятельность банков. Именно в этой сфере работает от 70 до 80% трудового населения государств Западной Европы и Северной Америки. Аналогичная пропорция соответствует и структуре ВВП, в которой на сервисный сегмент приходятся те же самые 70-80%. Калькуляция это грубая, т.к. порой довольно трудно определить границу между производственной и сервисной сферой. Тем не менее, суть ясна. Названные государства больше производят услуг, чем физических товаров. Такие общества и называют «постиндустриальными».

А вот цифры по России за 2003 г. (на основе данных Роскомстата). В сфере производства товаров было занято 48,7% трудовых ресурсов, в сфере услуг – 52,3%; в структуре ВВП на товарный сектор приходилось 35,1%, на сферу услуг – 64,9%. Первая цифра может свидетельствовать просто о более низкой производительности труда в России в области производства и сельского хозяйства, чем в западных странах. Вторые же цифры кардинально не отличаются от западных. Другими словами, в России уже существует «постиндустриальное общество», о чем мечтают господин Явлинский и ему подобные. Но что это меняет? Допустим, через какое-то время нынешние руководители страны сократят производственную и аграрную сферы, увеличив долю сферы услуг до западных пропорций. Неужели, тогда в России будет все как на Западе? Конечно же, нет и

еще раз нет. Все эти «еслибисты» должны понять одну простую вещь: в России никогда не будет как на Западе при любых вариантах развития общества хотя бы уже потому, что на Западе не бывает 40 градусных морозов и 40 градусной жары. А если крайне редко где-то они случаются, Запад тут же парализуется.

Но представим, что Россия каким-то чудом построила цивилизованный капитализм в соответствии с принципами гражданского общества и законами рыночной экономики. Ну, например, как в Великобритании. Эта страна считается среди всех государств Западной Европы и Северной Америки как бы образцом: экономика работает лучше, чем у остальных, демократия – развитее некуда. Посмотрим, что приобретет Россия, если вдруг умудрится создать «постиндустриальное общество» английского типа.

* * *

Я никогда не занимался специально Англией. Мое отношение к ней формировалось немецкой литературой, особенно статьями Гейне, который в саркастической манере описывал эту страну и ее жителей. Мне никогда не нравилась внешняя политика Великобритании. В то же время надо быть глупцом, чтобы не оценить творения Шекспира, точнее команды, которая творила под этим именем, а также многих других поэтов и писателей туманного Альбиона. Не могло не вызывать у меня и чувство уважения к целой плеяде английских ученых, открытия которых ускорили темпы развития человечества. Тем не менее, Англия была чужда мне по духу и темпераменту, и я не стремился посетить ее.

Но так случилось, что я оказался в этой Англии и прожил в ней ровно четыре года. Для меня это было более чем достаточно, и я покинул ее без сожаления и грусти.

Вот моя деревня...или первое знакомство

Приехав в Англию, я поселился в одной из богатых «деревушек» графства Оксфорд, находящейся в десяти минутах езды от Оксфорда. К своему удивлению я обнаружил приятных соседей, которые сразу же изъявили готовность помочь в деле интеграции в «общество». Нас с женой это удивило, поскольку мы были больше наслышаны и начитаны о холодности, чопорности, некоммуникабельности англичан. Англичан с такими характеристиками впоследствии я встречал немало (особенно среди профессорско-преподавательского состава), но жители нашей деревни отличались от книжных стереотипов. На всевозможных местных праздниках, которые устраивались в деревенском Клубе, они вели себя весьма

эмоционально. К нам, «пришельцам», отношение было особым: нас знакомили со всеми жителями окрестности персонально, приглашали на домашние посиделки, присматривали за домом в наше отсутствие и всячески изъясняли готовность помочь. Тем не менее, особой дружбы (в русском понимании) у нас с ними не получалось. Первоначальные взаимные хождения в гости постепенно затухли. Главная причина: не было общих тем для беседы. Мои же знания в области садоводства иссякали в первые пять минут. Когда же я заговаривал на темы вне быта, то в ответ получал стандартное «неужели?» («really?») что означало в чисто английской интерпретации: «нам это не интересно». А «не интересно» потому, что они фактически ничего не читают и ничего не знают ни о других странах, ни даже о своей собственной стране. Сосед наш, хоть и выпросивший одну из моих книг, позже признался, что не смог ее одолеть. Хочу подчеркнуть, что по своим доходам местные жители относятся к высшему слою «среднего класса», который есть ничто иное, как обыкновенный средний обыватель. Именно он занимает наибольший сегмент «третичного сектора». В массе своей такой обыватель крайне ограничен в знаниях и всю свою жизнь он посвящает «дому и саду». Правда, в отличие от русского обывателя, который обычно злобен и завистлив, английский филистер благодушен благодаря достаточно высокому уровню жизни.

Я не был близко знаком с рабочими. Но из газет знаю, что живут они в ужасных условиях, особенно на севере Англии, болеют и умирают совершенно в иных пропорциях, чем средний и высший класс страны.

Ненаучная наука, идеология и пропаганда

В Оксфорде мне часто приходилось общаться с учеными, прежде всего, со специалистами по России. Чтение их работ и общение с ними помогло мне как бы физически осознать слова «буржуазные ученые» и «буржуазная наука» – словосочетания, которые употреблялись в советские времена. В рамках общественных дисциплин (политология, социология, международные отношения и др.) науки действительно не существует, если под этим словом понимать поиск истины. Дело в том, что они даже не задумываются над тем, что такое научная истина. Все их исследования закручены на идеологических штампах, главным образом, двух магических словах: демократия и рынок. Так один из Оксфордских профессоров, авторитет в русологии, написал толстую книгу о Горбачеве, которого, естественно, высоко оценил за внедрение в СССР демократии. Но ему в голову не пришло проанализировать, что сотворила эта демократия со страной. Вообще все эти профессора обычно специалисты какой-нибудь узенькой темы: один специализируется на работе парламента последнего созыва, другой Чечней,

третий СМИ. Это касается не только русоведов, но и вообще страноведов. Обобщающих работ у них практически нет, что вполне объяснимо. Во-первых, у них нет ученых, способных охватить и проанализировать СССР/Россию как целостность. Они не оперируют *критериями* оценки тех или иных событий. Нет у них и научного метода, если не считать иногда применяемые системный или структурный подходы, которые хороши для решения только определенного класса задач. Во-вторых, они крайне идеологизированы, что не позволяет им объективно оценивать события и факты. В-третьих, большинство из них не знает русского языка, и потому использует в качестве источников в основном дайджесты – выжимки из газет на английском языке и метод опроса тех или иных ученых во время поездки в Москву. Те же, кто знает язык, пользуется только современной буржуазной русской литературой, авторы которых связали свою судьбу с нынешним режимом. Критическую, левую литературу они сознательно избегают. Причем, такой подход характерен не только в отношении России, но и КНР: аналогичная бредятинка.

На фоне книг по общественным дисциплинам контрастно выделяются работы по естественным наукам. В этих сферах наука демонстрирует себя в полной мере, хотя макулатуры тоже хватает.

Другими словами, из своей практики я в очередной раз убедился в правоте Ленина, писавшего, что буржуазным ученым-естественникам, пока они не покидают почву своей науки, верить можно, общественникам – нельзя.

Цензура. Идеологичность общественной литературы находит свое выражение и в цензуре. Формально ее вроде бы нет, фактически же она существует и действует весьма эффективно. Дело в том, что само издание книги не имеет никакого значения до тех пор, пока она не разрекламирована на ТВ или в соответствующих журналах и газетах общенационального масштаба. Никогда не будет допущена к рекламе работа или даже крошечная рецензия, если она покушается на «святые» ценности демократии и рынка. Например, журналы «Foreign Affairs», «Economist» и другие не захотели (именно так!) дать рецензию на одну из моих работ, поскольку в ней обнаружили губительную роль «демократии» для России. Так что «свобода слова» уже давно отжила свой век. По крайней мере, в «постиндустриальном обществе» ее не существует.

Вообще чтение английской прессы вызывает ощущение, что в этой стране никто не трудится: нет ни рабочих, ни крестьян. Только королева со своим семейством, банкиры и футболисты с музыкантами. Подавляющая часть материалов посвящена каким-то скандалам, диким убийствам, а в последнее время еще и террористам. Никто, естественно, не вскрывает социальных причин, нарушающих спокойную жизнь англичан. Конечно, на страницах газет, так или

иначе, поднимаются различные проблемы, но они тонут на фоне рекламы, развлечений и скандальных историй. Следует признать, что в деле промывки мозгов английская пресса действительно достигла «сияющих вершин». Идеологическая пропаганда работает безукоризненно.

Религия и сыр

Тем не менее, есть одно качество, которое мне нравится в англичанах: это их спокойное отношение к религии. Известна старая шутка французов: «У французов один бог, зато 300 сортов сыра; у англичан один сорт сыра, но 300 богов». Джереми Паксман, автор популярной книги об англичанах, напоминает, что даже в середине XIX века две трети лондонцев не посещали церквей. Безразличие к религии было одним из важнейших факторов опережения Англии в своем историческом развитии. Религия успешно заменялась наукой, пик которой пришелся на XIX и начало XX века. Не случайно Англия выдала самое большое количество ученых, оказавших революционное влияние на научно-технологическое развитие мира.

В XX веке значение религии уменьшалось во всех развитых странах, но в Англии темпы этого процесса, видимо, были интенсивнее, что с горечью вынуждены констатировать и сами британские священники. Так, в справочнике по Христианству в Великобритании (the UK Christian Handbook: Religious Trends, 2004) указывается, что за последние 15 лет количество верующих уменьшилось более чем на миллион и к 2005 г. их будет 5 млн. 600 тыс. человек. За этот же период количество церковных зданий сократилось на 1400, а количество священников на 1000 человек. Уменьшается и количество тех, кто посещает церкви. Только около 19% английских протестантов хотя бы раз в месяц посещают церковь¹, в то время как в католических странах этот процент значительно выше: в Испании и Австрии – 35%, Словакии, Португалии и Италии выше 50, в Ирландии – 67, а в Польше аж 78%. Правда, в католической Франции только 12% французов оказывают милость богу, предпочитая церкви кафе.

Надо при этом иметь в виду, что хождение в церковь многие рассматривают не как дань религии, а как место встречи со знакомыми.

Многие церковники понимают, что библия уже не может удовлетворить современное мышление, самым временем ориентированное на науку. Поэтому они акцентируют внимание «рабов божьих» на моральной стороне библейского учения, например, в отношении семьи и воспитания детей. В некоторой степени в этом есть

¹ Министерство внутренних дел дает другую цифру: только 7% христиан посещают церковь. – The Independent on Sunday, 12 June, 2005, p. 78.

свой резон, хотя английские авторы учебника по атеизму указывают: поскольку многие ученики не верят в бога, то, соответственно, они с недоверием относятся и к моральным ценностям, прописанным в Библии от имени бога. Как бы то ни было, религиозная тематика не является той проблемой, которой англичане уделяли бы серьезное внимание. А серьезно же их волнует совсем другое.

Проблемная Англия

Образование. Это одна из больных тем, которая постоянно обсуждается на страницах печати. Прежде всего, обращается внимание на кардинальные различия общественных и частных школ. Первые выпускают большой процент неграмотных учеников. Кстати, по данным ООН, 21,8% населения Великобритании считаются «функционально неграмотными» («The Guardian», January 11, 2005, p. 21). Не очень давно обнаружили, что в общественных школах оказался очень большой процент самоубийств среди школьников.

В высших заведениях в 2003-2004 гг. прошла волна закрытий факультетов естественного профиля (химии, математики, физики, биологии). Университетам не хватает денег. В то же время ежегодно увеличивается плата за обучение и одновременно усложняются проблемы с трудоустройством. Пишут о таком явлении: в связи с понижением требований при поступлении в вузы и оттоком квалифицированных преподавателей (из-за низкой зарплаты) выпускники остаются совершенно необразованными.

На примере нынешнего состояния образования в Англии, которое, между прочим, по некоторым позициям даже лучше, чем в других европейских государствах, еще раз убеждаешься в превосходстве системного государственного обязательного и бесплатного (!) образования в Советском Союзе.

Здравоохранение – еще одна больная тема, английский вариант которой я испытал на личном опыте. Так называемый «общий врач» (= «семейный врач») уделяет пациенту максимум десять-пятнадцать минут, пять из которых уходит на заполнение различных бланков-бумаг и, если «не долечился» за эти минуты, то надо заказывать еще один визит в другой день. Уровень знания врачей в государственном секторе – это притча во языцах, о чем с тревогой пишут в английской печати. Конечно, есть разные врачи, разные больницы. Кроме того, они отличаются в зависимости от географического местоположения: на севере хуже, на юге лучше. К примеру, в Оксфордском графстве медобслуживание считается одним из самых лучших. И, тем не менее, я испытал на себе силу этой медицинской науки на практике.

У меня обострился остеохондроз плечевого сустава. Прихожу в клинику и рассказываю врачу о своей болезни. В ответ она спрашивает меня: «А что такое остеохондроз?» – Я в шоке. Позже, правда, мне сообщили, что «врач» только недавно закончила свой мединститут и еще не набрала опыта. По рекомендации другого врача еду лечить свой «хондроз» к профессиональной массажистке. Действительно в прекрасном офисе вела прием милая дама, всем своим видом излучавшая спокойствие. Причины и следствия всех болезней у нее упирались в проблемы с позвоночником, о чем говорил весь антураж кабинета: позвоночники всех возможных искривлений красовались в комнате приема. Примерно полчаса эта профи заполняла историю моих болезней, начиная с рождения, затем минут 15 щелкала своими пальцами, практически не касаясь меня, но как бы имитируя выправление позвоночника. После окончания сеанса врач предупредила меня, чтобы я какое-то время не садился за руль от возможного головокружения (?). Естественно, я ничего не почувствовал, кроме изъятия из моего кошелька 80 фунтов за сотрясение воздуха. От этого голова действительно немного закружилась.

Хождения по врачам продолжались. Теперь мне надо было сделать рентген коленного сустава. Мне пришлось прождать два месяца (а если бы мне понадобился офтальмолог или ЛОР, то ждать пришлось бы месяца три-четыре). Сделали снимок: определили – бурсит. (Между прочим, в московской платной элитной больнице был поставлен диагноз – коленный остеохондроз.) Но на самом деле это был разрыв мениска, о чем я узнал позже, в другой стране и у других врачей. Такова английская бесплатная медицина.

Платная же имеет отличия: прием длится минут 20-30. За визит – примерно 200 фунтов. Я говорю про первоначальный прием у врача в частном секторе, и это не анализы и операции, это – консультации. Лечение – это совсем другие деньги. Но, вот, кофе у них – отличный и бесплатный! И на прощание: «Если что-то заболит, непременно приходите в следующий раз» и искреннейшая улыбка в пол-лица. И опять 200 фунтов.

К стоматологии и фактическому лечению я тоже вынужден был прикоснуться: забеспокоил зуб, который надо было подлечить. Врач в Лондоне (кстати, русский) заявил мне, что стоимость лечения в моем случае будет варьироваться (?) от 3 до 10 тыс. фунтов стерлингов. Но тут я не позволил этому врачу касаться моего зуба и улетел в Канаду к своему старому стоматологу, что было значительно дешевле и быстрее. Все было сделано за один прием.

Вернусь к цифрам. По средней продолжительности жизни Англия находится на 29 месте. Это не так плохо, если иметь в виду, что Россия, например, находится на 91 месте. Но в эту цифру запрятана одна хитрость: очень высокая

продолжительность жизни среди населения на юге страны, и значительно ниже на севере (в Шотландии, Ирландии). Более того, даже в Лондоне, в различных ее районах разница по средней продолжительности жизни составляет от 10 до 15 лет.

Вынужден и здесь констатировать: даже при самом «плохом социализме» в СССР медицина была на порядок выше, чем в нынешней цивилизованной Англии. Достаточно напомнить, что в Советском Союзе два раза в год проходило общее бесплатное обследование каждого работающего человека (врачи приезжали на рабочие места с полной аппаратурой). Одно такое обследование в Англии мне обошлось бы, как минимум, в 10 тыс. фунтов.

Третьим большим вопросом в Англии (сужу по количеству публикаций в четырех газетах – «Times», «Guardian», «Independent» и «Daily mirror») является **транспорт**. Во-первых, он крайне дорогой (по сравнению со всеми развитыми странами), во-вторых, он не надежен (постоянные опоздания и отсрочки при отправке), в-третьих, мучителен (пробки на трассах и постоянный ремонт дорог – так отрабатываются бюджетные деньги). Единственное, что радует – культура вождения. Джентльмены все же.

Не справляется английское «постиндустриальное общество» и с растущей **преступностью**. Например, в 2001-02 гг. число правонарушений достигало отметки 5 525 316, а в 2002-03 гг. – 5 899 450, причем растут именно тяжкие преступления, в частности, убийства. На фоне снижающегося количества убийств во Франции и Германии, в Англии, наоборот, их количество растет. Некоторые объясняют это тем, что в Англии молодежь потребляет большее количество тяжелого алкоголя, чем в любой другой западноевропейской стране. В любом случае газеты постоянно пестрят статьями об убийствах, которые совершаются «просто так», от скуки.

Меньше пишут о такой проблеме, как **деформация традиционной семьи**, последствия которой могут оказаться более губительными, чем проблемы, названные выше. Так, английские источники указывают на устойчивую тенденцию снижения количества браков (включая «сожительствующие пары»), имеющих детей, с 92% в 1971 г. до 73% в 2002 г. и увеличения матерей и отцов-одиночек соответственно с 8 до 27%. Количество матерей-одиночек, никогда не бывших замужем, также увеличилось с 1% в 1971 г. до 12% в 2002 г. Количество же разведенных матерей за эти же годы выросло с 6 до 12% (*Living in Britain 2002*, published 2004). Другая сторона негативных последствий, в данном случае связанных с новой моделью семьи, т.е. «сожительствующей пары», относится к социально-экономической сфере. Например, в Англии такие пары, а это почти 21% «семейств» страны, имеют очень низкие доходы. (Среди традиционных семей на такие доходы живет 7,8%, а среди матерей-одиночек – 76,4%.) (The Sunday Times, April 18, 2005).

Все это оборачивается таким унижительным явлением для богатой Англии: количество бедных детей по шкале «нищета» (child poverty) превышает 20% от всех детей Великобритании, что соответствует 3,2 млн детей. (Подробно эта тема проанализирована у меня в книге «О любви, семье и государстве», которая должна появиться в Москве в начале 2006 г.)

«Сервис» сервисной экономики

Для меня лично главной проблемой в Англии был английский сервис. Дело в том, что при покупке любой более или менее крупной вещи товар выдается не сразу, а через некоторое время. Это вполне понятно в условиях «пост» обществ: на складах держать продукцию значительно дешевле, чем занимать площади в магазинах. Бывает, что крошечные магазинные офисы продают все по каталогам. Заказ и пожелания принимает один продавец, информацию на склад переправляет другой, а привозят купленное совсем другие люди, не имеющие к торговле никакого отношения – шоферы и грузчики. Не могу не описать покупку письменного стола в Оксфорде. Оформив покупку, заплатив деньги и обозначив день доставки (через 5 дней), мы получили стол, но...без одной ножки. «Смутившись» от такого казуса, доставщик пообещал привезти ножку через 5(!) дней, ведь опять проходит вся процедура заказа. Точно в срок привозят ножку, но совсем от другого стола. Говорят: «извините», привезем на следующей неделе. На следующей неделе вообще ничего не привезли. И опять: звонок-заказ-извините... Короче, на покупку этого стола у меня ушло более трех недель.

О покупке, обмене, ремонте английской электроники можно писать самые смешные книжки. Тема всегда живая. Моя встреча с компьютерным сервисом в Англии достаточно необычная – русификация англо-пишущего аппарата. Хотя мы могли бы на любительском уровне и сами сделать подобную инсталляцию, но, пожалев свое время, решили отвезти компьютер по адресу мастерской, которая рекламировала именно эти услуги. «Мастера» пообещали сделать это за неделю (?), уверив, что для них это не проблема. «Ждите, позвоним». И мы решили подождать, чтобы уж профессионально «притереть» все программы. Но ни через неделю, ни через две работа не была завершена. На мой разгневанный звонок о причинах такой задержки я услышал: «извините, приезжайте, все готово». Подготовленные к оплате бумаги лежали рядом с моим сильно запыленным компьютером. Мы попросили перед оплатой все же включить компьютер для проверки, и каково было наше удивление: он не читал русский шрифт... За что же платить? – возмутился я. «Извините, но платить не буду».

У капитализма, и не только английского, а всеобщего и его «пост» разновидности есть одна очевидная особенность: пока ты потенциальный покупатель, ты желателен и получаешь совершенно бесплатно улыбки и кофе высшего образца. Но как только товар переходит в руки покупателя, а деньги в противоположном направлении все улыбки исчезают, и продавцы строятся в неприступную крепость. Никакие гарантии не способны эффективно (а значит, быстро и на основе закона потребителей) решить возникающие проблемы. И это не потому, что люди работающие в этих «пост» и просто капитализмах такие плохие, нет и даже наоборот, очаровательные и милые люди, но система сама вынуждает всех играть по правилам жестокости бизнеса. Деньги-товары-люди-услуги-связи – все это только товар, а значит деньги, – единственная идея капитализма. Не я первый об этом пишу, я просто подтверждаю известное и хочу еще раз подчеркнуть, что это – дорога к вырождению людей, а впоследствии и самого общества. Особенно это ощутимо в культуре и искусстве.

Вырождение культуры, как признак вырождения нации

Искусство и культура, безусловно, существуют, но как редкие очаги на фоне так называемой массовой поп-культуры. «Ортодоксов», придерживающихся норм человеческой морали, становится критически мало. Демократическая свобода выбора устрашающими темпами ведет к доминированию примитивных инстинктов над образованием и человеческим воспитанием, над знанием и нравственностью. Телевидение зашкаливает от обилия секса (похотливые девицы с экранов телевизора увлекают и приглашают к «общению»), гадалки и маги всех сортов соревнуются в умении делать ВСЁ (тут у России все именно так, как должно быть в развитом «постиндустриальном обществе»), обезумевшие музыканты, не знающие мыла и шампуня, трудятся в поте лица и тела в буквальном смысле. Телевизионные каналы зазывают на массовые гуляния золотой молодежи. Разухабистые пьяные девицы (невозможно даже поверить, что это Англия) и парни счастливы в своем выборе так жить. Свобода выбора дала свои плоды и в «современном» отношении к однополым бракам, узаконенном и вполне понимаемом в обществе явлении. Находит поддержку, (во всяком случае не осуждение) «философия» обнаженных стариков и старух, желающими голыми стричь свои газоны и играть в саду. Существует общество «Британского натурализма» (“British Naturalism”), президентша которого утверждает, что «когда ходишь голым, возникает чувство свободы». Очевидно, что наиболее свободными чувствуют себя животные, к которым скоро присоединится немалое количество англичан.

Пример английской нации подтверждает такое историческое явление: как только нация, или большая ее часть перестает отличать хорошее от плохого, перестает понимать, что соответствует законам природы и общества и что противоречит им, такая нация обрекает себя на распад. Одним из признаков нарушения законов морали и природы является сексуальная вакханалия, сопровождаемая всевозможными извращениями. Все это ведет к вырождению нации. Но вырождение происходит и в буквальном смысле.

Англичане начали вымирать физически. Белое население уменьшается из-за разрушения традиционной семьи и, как следствие, резкого падения рождаемости. Суррогатные однополые семьи – это вообще тупиковый вариант общества. Количество населения многие годы сохраняется на одном уровне (около 61 млн. чел.), но только благодаря иммигрантам и их воспроизводству. Белокожие саксы вскоре станут национальным меньшинством – угроза вполне реальная. Сетования на желания мусульман-иммигрантов устанавливать свои условия жизни на английской земле проживания вызывают громкий протест белокожих, но именно законы демократической постиндустриальной державы и разрушают ее саму.

Демократия без границ

Одним из примечательных качеств «постиндустриального общества», по мнению радетелей капитализма, является развитая демократия. Демократия – одна из форм политической власти, возникшая еще в недрах рабовладельческого строя. Существует множество форм демократии, одна из которой – буржуазная. У последней также немало разновидностей. Считается, что английская демократия наиболее совершенная среди развитых капиталистических стран. Возможно, это и так, хотя некоторые полагают, что в соцстранах Скандинавии она еще более развита. Но не в этом суть, а в том, что нынешний вариант демократии превратился в механизм, способствующий разрушению государства. Проявляется это в различных сферах общественной жизни.

На первый взгляд, самым безобидным ее отражением является так наз. политкорректность в языке. Как известно, феминистки давно добились изменения «мужеподобных» слов типа businessman (бизнесмен) и chairman (председатель) на businessperson (деловая персона) и chairperson (председательствующая персона), postman (почтальон) на postal worker (почтовый работник). Сейчас феминистки в растерянности бьются над тем, как писать “he or she”(он или она) или “she or he”(она или он). Испуганные языковой атакой работники Английской национальной оперы (the English National Opera) исключили из своего лексикона слово darling (дорогой), поскольку в нем кто-то может усмотреть смысл sexual harassment

(сексуальной озабоченности). Это, что касается равенства мужчин и женщин в развитой демократии.

А вот социальная сфера. В 80-е годы было внедрено слово «непривилегированные» (underprivileged) для тех, кто получает «пособия» (benefit), поскольку, дескать, слово «безработный» негативно сказывается на душевном состоянии «непривилегированного». Распространенным стал и другой эвфемизм – «человек между работами» (a person between the jobs), –безработный, значит.

В те же годы были внесены словесные изменения и в сферу международных отношений: слово «отсталый» превратилось в «слаборазвитый», «слаборазвитый» в «развивающийся», «развивающийся» в «страны Третьего мира» (backward begat under-developed, and under-developed begat developing, and developing begat Third World).

В настоящее время в основном атаке подвергаются те слова и устоявшиеся идиомы, которые могут вызвать негативные ассоциации у меньшинств. Например, не рекомендуется использовать словосочетание «good egg» (отличный парень), которое, дескать, произошло из фразы «egg and spoon», который в свою очередь рифмуется с унижительным термином, применяемым в отношении афро-американцев (боже упаси, – негров).

На самом деле все эти эвфемизмы совсем небезобидные вещи. За так называемой языковой политкорректностью прячется элементарная ложь, целью которой является попытка изменить реальность. В свое время известный английский публицист Бернард Левин (Bernard Levin) писал: «Мы меняем имена того, что нам не нравится. Тем самым пытаемся убедить себя, что мы изменили сами явления. Но ни один человек не может изменить реальность, манипулируя словами. Почему же мы это делаем? Потому что реальность часто болезненна» (The Times, August 10, 2004, p. 16).

Левин недооценивает силу таких манипуляций. На самом деле это форма идеологической обработки массового сознания с тем, чтобы смягчить или сгладить противоречия капитализма, нейтрализовать словами его самые негативные стороны. Именно поэтому российские либералы любят слово «постиндустриальное общество», а не капитализм или империализм – слова, вызывающие у многих самые отрицательные чувства. Еще большую роль эта словесная эквилибристика используется против социализма. Например, не случайно ненавистники социализма Великую Октябрьскую Социалистическую революцию называют переворотом. Тем самым, пытаясь принизить историческое событие, изменившее ход мировой истории в XX веке, ставшее надеждой не только для населения родившейся страны, но и для многих неравноправий на Западе и Востоке.

В США, где эта языковая «политкорректность» доведена до абсурда, по указанию министерства образования, в исторических текстах для школы были запрещены упоминания имен многих великих людей Америки. Под «арест» попали, например, такие имена: Самуэль Адамс, Томас Эдисон, Александр Грэхем Белл, братья Райт и многие другие. Причина – кто-то из них был рабовладельцем, кто-то воевал против индейцев, кто-то нелестно отозвался о неграх. То есть, язык способен исказить историю. По крайней мере, в головах обывателей, которые и составляют большую часть населения любой страны.

Теперь о более серьезных вещах. Известно, что в развитых странах, в том числе и в Англии, увеличивается поток иммигрантов, в основном мусульманского вероисповедания. Их количество неуклонно растет. Они почти не ассимилируются с местным населением, сохраняя свои прежние привычки, культуру и религию. Проблема в том, что они не только воспроизводят, но начинают и навязывать свой образ жизни аборигенам, к примеру, тем же англичанам. Естественно, их культуры в принципе не совместимы. Англичане же, вместо того, чтобы жестко поставить на место иммигрантов (они, в конце концов, гости, причем непрошенные), начинают дебатировать в парламенте формы своих действий, пытаясь не нарушить демократические принципы. Поскольку иммигранты-мусульмане совершенно не понимают смысла западных демократических ценностей, мягкое поведение англичан они рассматривают как их слабость, что еще больше стимулирует агрессивное поведение пришельцев. Учитывая стремительное сокращение белого населения, можно предположить, что через не очень отдаленное будущее доля приезжих превзойдет долю местного населения (сейчас в среднем она составляет около 5-6%, а в других странах Западной Европы – около 10-12%). Тогда демократии в любой ее форме наступит конец, а на ее месте будет построена мусульманская власть, опирающаяся на Аллаха и другие феодальные нормы.

Наконец, нынешняя беспредельная демократия узаконила в гражданских правах браки геев и лесбиянок. Антиприродное явление, – аппендиксная, тупиковая, губительная ветвь развития в истории биологической жизни, – работает на вышеупомянутую тенденцию, т.е. на снижение белого населения.

Таким образом, нынешняя демократия превратилась в такую форму власти, которая уже не в состоянии сдержать распад государства. Она исторически себя изжила. Требуется иная форма политической структуры власти, соответствующая новым явлениям XXI века. Если же Англия не выработает новый тип власти, то «постиндустриальное общество» рискует превратиться в феодальное общество ближневосточного типа.

Я в этой заметке не касался социальных и экономических проблем, анализ которых существенно увеличил бы объем статьи. Здесь в тезисной форме хотел бы отметить только две вещи.

Сегодняшнему экономическому процветанию нынешние англичане обязаны своим предкам, сумевшим в свое время покорить чуть ли ни полмира. И хотя английская колониальная империя распалась, бывшие колонии все равно остались в орбите английской экономики, продолжая кормить и поить своего господина. Техника грабежа изменилась, но суть осталась. Третий мир продолжает поставлять все необходимое (продукты сельского хозяйства, сырье, металлы, сталь и т.д.) для выживания и относительного процветания «постиндустриального общества» в Англии. Но обратной стороной этого процветания явилось то, что англичане сами уже не в состоянии воспроизвести себя как нацию. Средний англичанин потерял навыки работать. Чтобы вбить гвоздь или подключить электричество, он вызывает рабочих (которые обычно являются иммигрантами). «Постиндустриальное общество» напоминает человека с большой головой, но без рук и ног, а скоро окажется и без тела.

Кроме того, внутри этого общества стали возникать потенциально взрывоопасные очаги в виде анклавов «третьего мира». Количество населения, живущего ниже черты абсолютной бедности (для развитых стран это \$11 в день) равно 15,7%. 10% богатых наверху «зарабатывают» в 14 раз больше 10% внизу. И т.д. и т.п.

* * *

Итак. Мы имеем перед собой «постиндустриальное общество» с его минусами и плюсами. Главным плюсом можно считать относительно обширный средний класс с относительно высоким средним уровнем жизни. Но этот плюс перекрывает масса минусов в сфере образования, здравоохранения, транспорта, преступности, ужасной сферой обслуживания и т.д. Главное же – моральная деградация и политическая беспомощность перед новыми вызовами. Весь этот набор проблем, в той или иной степени, характерен и для других «постиндустриальных обществ» Западной Европы. Очевидно, что они перешагнули свой пик развития и ныне покатались вниз. Обычно падение начинается с кризиса морали, кончается или разрушением государства, или его качественным обновлением через революцию. Но поскольку англичане революций не любят, то, похоже, они обречены на первый вариант.

Министр финансов, второй человек в правительстве лейбористов, Гордон Браун на конференции своей партии (конец сентября 2005 г.) говорил:

«Задумайтесь хотя бы на секунду: таланты (в стране) попусту растрачиваются, великие музыкальные произведения не сочиняются, великая живопись не творится, великая наука не создается, великие книги не пишутся» («The Economist» October 1st, 2005, p.11). Задумайтесь хотя бы на секунду: сказанное относится к «постиндустриальному обществу», о котором мечтают господа российские либерал-демократы. Нужно ли такое общество России? Сомневаюсь, но решать россиянам.

Алекс Бэттлер

12.30.2005

[sofa](#) says:

February 13, 2009, 12:57:27 PM EST

Уважаемый автор, Вы пишете о минусах постиндустриального общества. В чем тогда преимущества социализма, к которому (если я правильно поняла) Вы призываете? У социализма было не меньше минусов, я думаю, Вы их знаете. Каждое явление имеет две стороны, это давно известно. Капитализм идет к концу, как Вы утверждаете. Но ведь и социализм сгнил изнутри. Где же выход? Наверное, истина, как всегда в середине. Может, нужен какой-то новый скачок в идеологии, как говорил М. Горбачев - "новые мышление"?

[Alex Battler](#) replies:

February 15, 2009, 12:38:26 AM EST

Уважаемая Софа! Во-первых, "новое мышление" сгубило СССР. Горбачев - преступник, более страшный чем Гитлер. Во-вторых, глядя на Китай, я не нахожу, что социализм "сгнил изнутри". Большую "гнилость" я ощущаю здесь, на Западе. В-третьих, чтобы определять историчность формации, необходимо знать критерии Прогресса. В-четвертых, чтобы знать критерии Прогресса, надо изучить мою книгу "Общество: прогресс и сила (критерии и основные начала)". В-шестых, иначе разговор становится бессмысленным.